

УДК 94(47).047
DOI 10.52452/19931778_2024_4_28

«КРЫЛАТЫЕ ВСАДНИКИ» В ЦЕРЕМОНИАЛЕ РУССКОГО ДВОРА И ОРУЖЕЙНАЯ ПАЛАТА XVII в.

© 2024 г.

С.П. Орленко

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва

Orlen@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.06.2024

Исследуется один из аспектов деятельности Оружейной палаты по обеспечению специфической атрибутикой парадно-церемониальных мероприятий русского двора последней трети XVII века. Рассматривается вопрос об изготовлении холстяных и бумажных крыльев для экипировки всадников, участвовавших в церемониях встречи иностранных посольств. На основе анализа широкого круга источников изучена конструкция крыльев, их количество в разные годы, имена и ремесленные специальности мастеров, трудившихся над их изготовлением. Также исследуются особенности отображения использования «крылатых сотен» в документации внешнеполитического ведомства.

Ключевые слова: Оружейная палата, XVII век, посольский церемониал, иностранные дипломаты, крылатая сотня, крылья из холста, крылья из бумаги, конструкция, мастера.

Одним из самых эффектных элементов парадных мероприятий посольского церемониала последней трети XVII столетия было появление крылатых всадников с фигурками змеев – драконов на копьях. Участие этих колоритных персонажей в церемониях встреч иноземных посольств отражено в документах внешнеполитического ведомства, сочинении о России иностранного автора и, разумеется, столбцах и приходе-расходных книгах учреждения, где создавались эти удивительные предметы, – государственной Оружейной палаты.

Необычное зрелище описал Бернгард Леопольд Франциск Таннер – путешественник чешского происхождения, посетивший Москву в составе польского посольства в 1678 г. Описание его поездки на латыни было напечатано в Нюрнберге в 1689 г., включало в себя рассказ о крылатых копьеносцах и их изображение [1]. На русском языке полный текст сочинения Б. Таннера с иллюстрациями был опубликован в 1891 г.

Чех писал: «Подъехав к городу ближе, глядим – новый, невиданный дотоле отряд воинов! Цвет длинных красных одеяний был на всех одинаков, сидели они верхом на белых конях, а к плечам у них были прилажены крылья, поднимавшиеся над головой и красиво расписанные; в руках – длинные пики, к концу коих было приделано золотое изображение крылатого дракона, вертевшееся по ветру. Отряд казался ангельским легионом. Кто не подивился бы на такое чудное зрелище...» [2, с. 44–45]. Одна из иллюстраций к изданию сочинения Б. Танне-

ра изображает две едущие навстречу друг другу группы крылатых всадников с фигурками драконов на копьях (рис. 1).

Событием огромной важности для зарождающегося российского оружейоведения стала публикация труда А.В. Висковатова «Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками...». В первом томе издания сообщалось и о крылатых всадниках. «В Царствование Царя Федора Алексеевича, в 1678 году, при въезде в Москву Польского Посольства, находился конный отряд Жильцов, с большими, позади плеч прикрепленными крыльями, и с длинными в руках копьями, у которых вместо употреблявшегося тогда прапорцев, были прикреплены металлические драконы, золотые или вызолоченные. Отряд этот казался Полякам *Легионом Ангелов*». Изображение конного жильца с крыльями и копьем со змеем так же было выполнено на основе иллюстрации в книге Б. Таннера. При этом А.В. Висковатов предполагал, что, возможно, автор рисунка «не видел крыльев вблизи, нарисовал их не совсем верно» [3, с. 89; СХІХ–СХХІ; Рис. 105] (рис. 2).

Публикация А.В. Висковатова определила видение данного вопроса более чем на полтора столетия. В каталоге выставки, посвященной конным эскортам русских государей, в статье О.А. Курбатова уточняется состав чинов, участвовавших в посольских встречах с крыльями и «копьями змеевыми». Автор аргументированно указывает на безосновательность устоявшегося

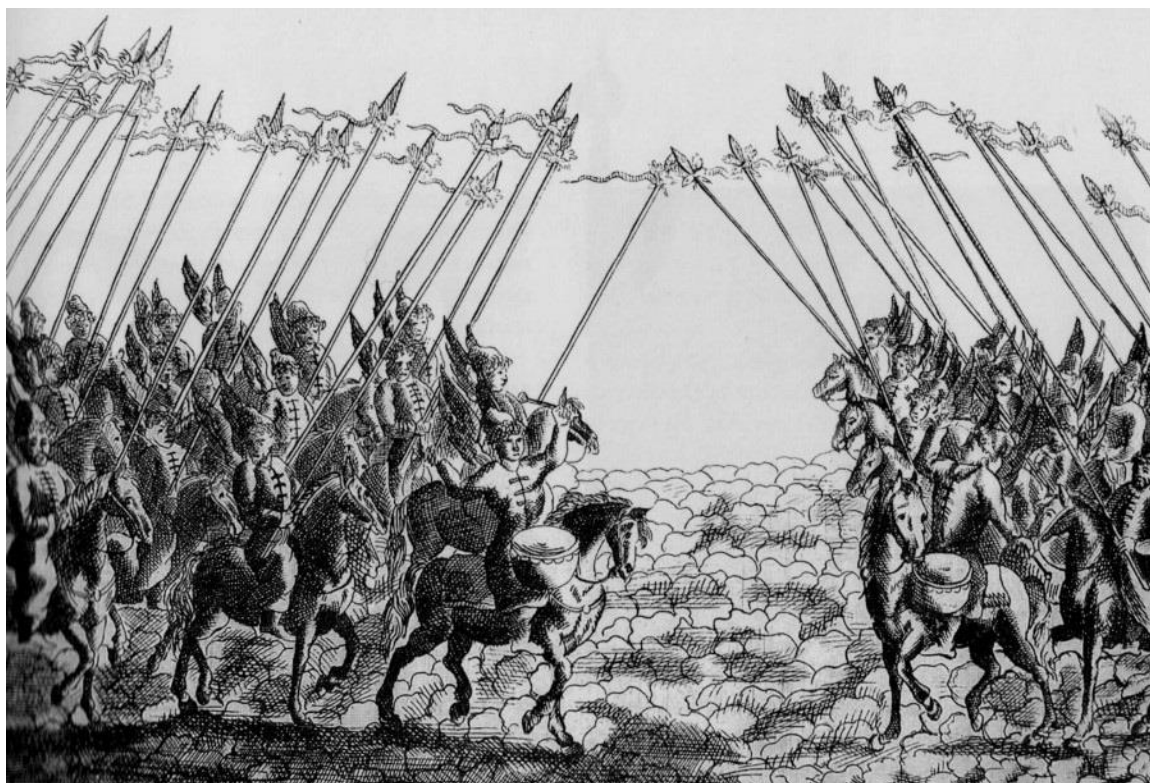

Рис. 1. Изображение крылатых всадников из книги Б. Таннера
«Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г.»

мнения об участии в церемониях в этом качестве конных жильцов [4, с. 33–34].

Самое раннее выявленное упоминание о подготовке крыльев для сокольников на выезд «для посольские встречи» относится к 20-м числам декабря 1673 г. У торгового человека «Юфотного ряда» были приобретены красный сафьян и пять бараньих кож «на опшивку ко сту парам крыл на выезд сокольников для посольския встречи». Для портных мастеров было куплено сорок девять золотников сученого шелка вишневого цвета. «Тем шолком пришивали ко сту крыльям петли снурковыя...» [5, л. 1; 6, л. 80–80 об.]. Предположительно, данные записи относятся к завершающему этапу работы над крыльями.

В шестом томе «Дополнений к Актам историческим» была опубликована выписка из документов Посольского приказа, а именно «дел Датского двора» – документов с описанием впечатлений датского резидента Магнуса Гея (Ге), 30 декабря 1673 г. смотревшего в Кремле выезд «царского величества спальников, и столничей выборной сотни, и сокольников с крылами, и конохов в зброе». Датчанин «похвалил соколников, что с крылами, и конохов, которые были в зброе, и говорил, что те де люди, которые с крылами, устроены против тогож, как бывает у Поляков, толко де те люди убраны богаче Полского и у Поляков бывает толко по

одному крылу, и пристойнее де и страшнее быти двум крылам, нежели одному». «Он же говорил, что некоторой христианской монарх так, яко великий государь его царское величество чужеземских послов честно и с великою встречей не принимает» [7, № 64 (V), с. 256; 8, л. 1–2]. Дословная копия этой записи содержится в делах о Сношении России со Швецией.

Зрелище, которое наблюдал датчанин, было своего рода генеральной репетицией перед дебютом крылатых всадников в дипломатическом церемониале. В этот же день 30 декабря 1673 г. датскому и польскому резидентам было велено за городом «смотреть той встречи, какова учинена свейским великим послам и его великого государя конных и пеших ратных людей». «И резиденты ездили в корете строем великого государя [с] ратными людьми до реки Ходынки. И за Ходынкою гораздо поподъехав к лесу искореты выходили и смотрели на все строи великого государя конных и пеших ратных людей. И меж собою говорили что видица им всех ратных людей числом 50 000 человек». «А сокольников с крылами и дворовых людей в латах зело хвалили. И польской резидент говорил, что сокольники вооружены суть по древнему римскому обычаю токмо де у них, поляков, по одному крылу орловому носят, а не по два» [9, л. 17–18 об.].

На следующий день, 31 декабря шведское великое посольство выехало с ближнего подхо-

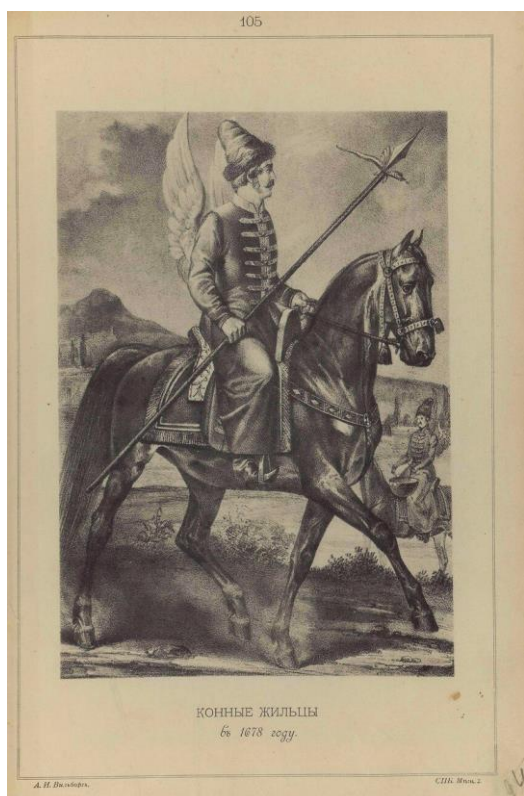

Рис. 2. Изображение «крылатого жильца» из «Исторического описания одежды и вооружения российских войск, с рисунками...» [Висковатов А.В.] Ч. 1. СПб., 1841

жего стана в с. Николаевском по направлению к Москве. «И как великие послы переехали речку Ходынку по Тушинской дороге, и у реки с правую сторону стояли в строе конные ратные люди, а на левой стороне пехота и учили у всех рот по литавром и в барабаны бить, и в трубы трубить, и в сипоши играть <...> А как великие послы приехали к тому месту, где стоял с ротою стольник Иван Посников и спрашивали Емельяна (пристава. – С.О.), какие де то люди, что с крылами и много ль их у царского величества. И им сказано, что те люди выборные и ратных дел навичные, а устроен целый полк, только ныне они к Москве не все в приезде, а живут от Москвы в розных городех в поместьях и в вотчинах своих неближних местех. И смотрели на них послы долгое время» [9, л. 23–24 об.].

Повторно ту же самую крылатую сотню шведские дипломаты встретили в тот же день в центре Москвы. «А как послы ехали Красною площадью и на площади стояли сокольники с крылами. И послы увидя их всчали об них речь сами и зело их похваляли и крыл называли орловыми» [9, л. 31–31 об.]. Упоминаний о змеях – драконах на копьях в изученных источниках конца 1673 г. не выявлено.

К удивительным обстоятельствам следует отнести то, что о присутствии крылатых всад-

ников ни слова не упомянул в своем сочинении участник шведского посольства 1673–1674 гг. инженер-капитан Эрик Пальмквист. Офицер, включенный в состав миссии для сбора информации о коммуникациях, крепостях и вооруженных силах России, с величайшим вниманием отнесся к артиллерии, которая демонстрировалась послам во время их встречи, но полностью проигнорировав «крылатую кавалерию». Не видеть сокольников с крыльями Э. Пальмквист не мог. Как указывалось выше, крылатая сотня на пути посольства встречалась дважды. Примечательно, что в альбоме рисунков Пальмквиста присутствуют несколько изображений русских всадников, однако крылатых среди них нет [10, л. 27]. Возможно, швед разглядел в крылатых кавалеристах сугубо декоративный элемент, не вызвавший интереса в контексте поставленных перед ним задач.

Итак, что же представляли собой крылья, созданные в Оружейной палате второй половины XVII столетия? А.В. Висковатов, повествуя о крылатых жильцах, писал: «Подобный описанному наряд с крыльями был и у поляков. Лица, видевшие подобные крылья в натуре, утверждают, что они состояли из орлиных перьев, воткнутих в небольшие брусочки» [3, с. 89]. Вполне вероятно, что неизвестные собеседники предоставили А.В. Висковатову верные сведения о крыльях польских всадников. Однако, как показывают источники, крылья, созданные в Оружейной палате, были сделаны совершенно иначе. Документы не содержат упоминаний об использовании перьев каких-либо птиц.

Первоначально перья московских крыльев изготавливались из ткани. Распоряжение от 23 ноября 1674 г. предписывает подготовить сто пар крыльев «к выезду персидских послов <...> которые (крылья. – С.О.) живут на сокольниках». Живописцу Ивану Безмину, курировавшему работы, выдали десять рублей на покупку «ремней, холстов, клею рыба и мездринного, и иных всяких запасов» [11, л. 1]. Данный сюжет биографии И.А. Безмина рассматривался в работе И.Е. Забелина, посвященной работам русских иконописцев и живописцев XVII века, а позднее вошел в состав статьи о И.А. Безмине в словаре русских иконописцев XI – XVII вв. [12, с. 121; 13, с. 83].

Очевидно, для достижения необходимой жесткости выкроенные из холста «перья» проклеивались белковым клеем (вываренным из хрящей и кожи рыб или мездры – внутреннего слоя шкуры животных), а затем просушивались. В 1684 г. «по скаске ольстренного мастера Любима Блохина с товарищами, надобно им в мастерские полаты для сушения крыл бумажных и

холстяных <...> на чем им те починочные крылья розвесить десять шестов длинных, да две веревки» [14, л. 37]. Примечательно, что в первой половине XVIII столетия хранившиеся в Оружейной палате крылья описывались как «холстинные клееные (курсив мой. – С.О.) выездные для встречи послов» [15, л. 9 об.; 16, л. 83 об.].

Важный вопрос: что служило основой для московских крыльев, к чему, собственно, крепились холстяные перья? А.В. Висковатов писал о «небольших брусочках», в которые были воткнуты орлиные перья польских крыльев. Источники, относящиеся к изготовлению московских крыльев, не содержат упоминаний о каких-либо деревянных деталях, в которые могли бы вставляться перья. Прямого ответа на вопрос о конструктивной основе московских крыльев изученные документы делопроизводства Оружейного приказа, к сожалению, не дают. Тем не менее, основываясь на составе материалов, закупаемых к «крыловому делу», можно попытаться выдвинуть жизнеспособную версию.

Среди товаров, приобретаемых для изготовления крыльев, присутствовали красный сафьян, а также кожи баранов [5, л. 1; 11, л. 1]. Причем количество закупаемых кож могло быть весьма значительно. В мае 1678 г. в Оружейную палату было куплено «полпуда клею рыбьего карлуку (осетрового. – С.О.)», а также «двдцать пять боранов». В документе указано назначение этих покупок – «клея и бараны х крыльем» [17, л. 20, 19а]. Кожа в зависимости от выделки могла быть как мягкой, так и достаточно жесткой для того, чтобы служить основой, в которую вклеивались или вшивались «перья».

В Восточной Европе практиковались разные способы крепления крыльев. В Речи Посполитой начала XVII века крылья крепились к седлам. Множество всадников с крыльями у седел изображены на т.н. Стокгольмском свитке, изображающем въезд в Краков невесты польского короля Сигизмунда III Констанции Австрийской в 1605 г. [17, с. 65]. В другом варианте всадники тяжелой латной кавалерии на наспинниках кирас имели особые крепления для фиксации крыльев [18, р. 76–79, 140–148, 177–179, 238–241, 253–254]. А.В. Висковатов со слов неизвестных нам очевидцев писал о польских крыльях, которые «держались на всаднике с помощью кожаных ремней или поясов, к коим были прикреплены» [3, с. 89]. Документального или предметного подтверждения этого варианта крепления восточноевропейских крыльев обнаружить не удалось.

В источниках, связанных с изготовлением крыльев в Оружейной палате, нет упоминаний о необходимости крепления к седлам. Документы

о выдаче снаряжения в «крылатые» сотни не содержат информации о наличии в их экипировке латных доспехов. Согласно Дворцовым разрядам сокольники с крыльями в 1675 г. были в панцирях [19, ст. 1192]. Таннер, описывавший крылатых всадников в 1678 г., отмечал, что они были облачены в «длинные красные одеяния» [2, с. 44–45]. Практически нет сомнений, что московские крылья крепились к всадникам посредством наплечных петель – лямок и поясов.

В одном из самых ранних упоминаний о московских крыльях сообщается о мастерах, которые «шолком пришивали ко сту крыльям петли шнурковыя...» [6, л. 80–80 об.]. В ноябре 1674 г. распоряжение об изготовлении и починке ста пар крыльев сопровождается указанием «к ним привязать поясы ременные» [11, л. 1]. Практически одновременно в торговом Завязочном ряду было куплено «сто аршин тесем шолковых разными цветами по три алтына за аршин ... да за сто аршин тесьмы шолковой по два алтына». «Те тесьмы куплены в Оружейную палату на сорок пар х крыльям на вооруду, которая живут на сокольниках к выезду персических послов» [20, л. 1].

В январе 1675 г. сторожу Оружейной палаты выдали деньги на покупку «шнуров для привязки крылей сокольникам» [21, л. 1]. В январе же «пришивали на дворе боярина Никиты Ивановича Романова олстренныя мастера соколником для встречи персических послов ко сту крыльям тафтяныя поясы...» [6, л. 81 об.]. Весной 1678 г. в Завязочном ряду вновь закупили большое количество тесьмы. «А по указу великого государя те тесьмы куплены в Оружейную палату и делано ис тех тесем поясы х крыльям холстяным...» [22, л. 24].

В июне 1679 г. для починки 82 пар крыльев запросили покупку 300 аршин тесьмы. Вероятно, в целях экономии, поначалу было указано «вместо тесем привязать крашенные ремни». Впрочем, позднее средства на закупку тесьмы все-таки были выделены [23, л. 1–3]. В июле помимо тесьмы было куплено «пятьсот шесть аршин шнурку шолкового красного». «А те тесьмы и шнуры куплены для встречи и выезду польских послов на вооруду х крыльем холстяным и бумажным» [24, л. 34–35]. Таким образом, мы видим, что для крепления крыльев к всадникам использовались шнуры, тесьма, кожаные ремни, пояса из шелковой ткани и при необходимости один материал мог заменяться на другой.

Важные перемены в вопросе об устройстве и использовании крыльев происходят в конце 1670-х гг. Предположительно, изменения связаны с подготовкой к приему посольства Речи

Посполитой во главе с Михаилом Черторыжским, следующим в Москву для подтверждения Андрусовского договора. В книге приезда польских послов 1677–1678 гг. вместо сокольников написаны «конюшенного чину сотни, у которых были крылья» [25, л. 454]. Документация Оружейного приказа позволяет уточнить, что с крыльями за спиной послов встречали стряпчие конюхи [22, л. 3]. В источнике 1679 г. с крыльями упомянуты конюшенного чину не только стряпчие, но и задворные конюхи [24, л. 35]. Ясного представления о том, какими обстоятельствами могла быть вызвана замена крылатых сокольников на конюхов, источники, к сожалению, не дают.

Приблизительно в это же время изменения происходят и в материальной части московских крыльев. В 1678 г. в документах Оружейной палаты, помимо холщевых, появляются упоминания о крыльях бумажных [22, л. 21]. Документов об изготовлении первой партии бумажных крыльев, предположительно в 1677 г., обнаружить не удалось. Однако выявлены и изучены источники последующих лет о починке ранее изготовленных крыльев. Летом 1680 г. было куплено для ремонта пятнадцати пар «крыл холстяных и бумажных дватцать аршин холста <...> три стопы бумаги серой» [26, л. 259]. В январе 1684 г. в преддверии приезда Шведского посольства для починки крыльев в Оружейную палату приобрели «110 аршин холста тонково <...> да три стопы бумаги белые» [27, л. 30]. (Стопа писчей или книжной бумаги состояла из 480 листов [28, с. 77].)

Можно предположить, что и холстинные, и бумажные перья состояли из нескольких слоев материала. Холстинные перья, как указывалось выше, проклеивались белковым – мездринным или рыбьим клеем, однако для бумажных перьев, вероятно, использовался другой клей. В документах 1680 и 1684 г., в которых идет речь о покупке материалов для ремонта бумажных крыльев, упоминается о приобретении «осьмины муки пшеничной доброй» и «муки пшеничные сеевые пол осмины» соответственно [26, л. 259; 27, л. 30]. (Осьмина составляла половину пятипудовой чети.) С высокой долей вероятности, мука потребовалась для приготовления клея к бумажным перьям.

По необходимости в конструкцию крыльев вносились и другие изменения. В начале 1684 г. для починки «крыл бумажных и холстяных», помимо холста и бумаги, было куплено «три фунта щепи чищенных, дватцать пар пучков вервей смоленых». Вероятно, тонкими деревянными планками усиливались вновь изготовленные или поврежденные ранее перья. Кроме того, как

минимум дважды, в 1678 и 1684 г., к делу крыльев покупали воск. Предположительно, для защиты от влаги перья крыльев воились. Впрочем, среди приобретаемых для изготовления крыльев материалов встречаются такие, чье назначение трудно определить даже предположительно, например щетина [23, л. 1; 27, л. 30].

Изученные источники не дают ясного представления, существовали ли отдельно холстяные крылья и крылья, изготовленные из бумаги, или же одна пара крыльев могла иметь перья, выполненные из разных материалов. Нельзя исключить, что оба этих варианта практиковались параллельно. Как правило, в документах фигурируют «крылья холстяные и бумажные», однако в приходно-расходной книге Оружейной палаты 1677–1678 гг. присутствует упоминание и о «крылах бумажных с холстом» [29, л. 307].

В январе 1675 г. в деле о покупке материалов в Оружейную палату упомянуто о приобретении двух аршин тафты белой и одиннадцати желтой. «А тафтами велено обшить ременья вместо тесем и на лопасти х крыльям же» [30, л. 1–2]. В июле 1679 г. у торгового человека Сурожского ряда в Оружейную палату было куплено «тафт уских алой, да желтой по дватцать аршин». «А ис тех тафт Казенного двора портной мастер Алешка Леонтьев скроил триста дватцать лопастей х крыльем холстяным и бумажным, которые бывают против послов на выездах конюшенного чину на конюхах» [31, л. 1]. Тафта разных цветов приобреталась на лопасти «х крылам» весь период их использования в придворном церемониале. В одном из документов 1679 г., вероятно с целью сэкономить, предписывалось «лопасти сделать киндячные красные», однако позднее для лопастей, как и ранее, была куплена тафта [23, л. 1–3]. В 1683 г. «по сметной росписи мастеровых людей, куплено в Оружейную палату х копьям и х крыльям бумажным и холстяным на триста лопастей для встречи и выезда против свейских послов тафты: красной, зеленой, жаркой, белой по семи аршин» [27, л. 1].

Применительно к вещам Оружейной палаты XVII в. лопасть можно определить как тканевую ленту относительно небольшой длины. Лопасти могли использоваться как в качестве сугубо декоративного элемента (например, на копьях или на чехлах) [32, с. 414; 33, с. 439–441], так и вполне функционального. В собрании Оружейной палаты хранятся несколько парадных шлемов (ММК Инв. № Ор-13; Ор-118; Ор-120; Ор-163) с шелковыми лопастями-завязками XVII в. [34, с. 66–67]. Из источника 1678 г. нам известно, что на пару крыльев полагалось по четыре лопасти. В документе приводится их

размер: «А мерою в длину по десяти вершков и больши, в ширину по полтора вершка» [22, л. 9]. То есть каждая лопасть была около полуметра в длину и 6–7 см в ширину. Выдвинуть обоснованные предположения о назначении цветных тафтяных лопастей на московских крыльях пока не представляется возможным.

Несколько больше определенности возникло в отношении другой детали московских крыльев – медных золоченых кругов. В датированной июлем 1679 г. «Росписи крыльям, которые починить» фигурируют восемьдесят две пары крыльев «бес тесем и без лопостей, кругов многих нет же» [23, л. 1]. В августе того же года живописцу Дорофею Ермолаеву выдали средства на покупку сусального золота и гульфаробы (гульфароба – клеящий цветной состав под позолоту, основа под листовое золочение в виде желтой массы) [35, с. 435]. «А по указу великого государя тем золотом по той гульфаробе золотил он двесте кругов медных к крыльем бумажным и холстяным для выезду и встречи польских послов» [36, л. 1]. В Переписной книге царской оружейной казны 1687 г. сообщается: «Крылья <...> привязки и завязки шолковы и нитяные розных цветов, ремня с наузольники медными (курсив мой. – С.О.)» [37, л. 699]. То есть медные круги находились на месте соединения элементов «вооруды» – тесем, ремней и пр. Сколько кругов-наузольников было на каждой паре крыльев и какого они были размера – нам точно неизвестно.

Над изготовлением московских крыльев трудились мастера нескольких специальностей разных казенных ведомств, а возможно еще и городские ремесленники. В январе 1675 г. на дворе боярина Никиты Ивановича Романова крылья для сокольников «вооружали» некие «олстренны мастера», число и место службы которых в документе не указано [6, л. 81 об.]. Предположительно, именно на олстренных мастеров легла основная нагрузка по изготовлению московских крыльев. В апреле 1678 г. «клеем мездриным клеили олстренники крылья» [22, л. 19]. В январе 1684 г. «починить и переправить» крылья было поручено «Оружейной палаты и Ствольного приказу олстрелного дела мастерам Любиму Блохину, Дмитрию Иванову с товарищами шести человекам». В том же месяце олстреннику Ствольного приказа Кириллу Сидорову с товарищами выдали деньги «для починки крыльев на тритцать плешек клею мездриного» [27, л. 30, 33].

В 1678 г. тафтяные лопасти для крыльев изготавливал шатерный мастер Леонтий Терентьев [22, л. 9]. В 1679 г. тафтяные лопасти кроили и чинили портные мастера Казенного приказа, а

также портные, чья ведомственная принадлежность не обозначена [31, л. 1; 38, л. 1; 24, л. 32]. В декабре 1683 г. в Оружейной палате над лопастями к крыльям и копиям трудились шесть портных мастеров, присланных из Стрелецкого приказа (т.е. московских стрельцов) [27, л. 5].

В 1679 и 1683 г. медные наузольники (круги) золотил сусальным золотом по гульфаробе живописного дела мастер Дорофей Ермолаев [36, л. 1]. Контроль над работами по подготовке в Оружейной палате 1670-х гг. предметов церемониального вооружения и снаряжения конных «встречников» (крыльев, змеев, украшенных копий) был возложен на живописца Ивана Безмина. В документах упоминаются объекты, на которых в 1670–1680-х гг. шла работа по созданию и починке крыльев, – принадлежавший оружейному ведомству двор боярина Никиты Ивановича Романова, а также относившийся к приказу Ствольного дела Бархатный двор [6, л. 81 об.].

Мы не знаем, сколько крыльев было изготовлено для сокольников в конце 1673 г. В ноябре 1674 г. велено было «к выезду персических послов изготовить сто пар крыл, которые живут на сокольниках и починить» [11, л. 1]. Формулировка не позволяет ясно понять, вошли ли в состав этой сотни крылья, изготовленные ранее и которые нужно было починить.

Крылья оказались чрезвычайно уязвимыми и ломкими. Подготовка к проведению очередного масштабного парадно-церемониального мероприятия по встрече иноземного посольства сопровождалась распоряжением о починке поврежденных крыльев и о изготовлении новых, взамен безнадежно поломанных, а также для создания некоего резерва [23, л. 1–3; 27, л. л. 30; 40, л. 2–4; 41, л. 4]. Крылья оказались настолько хрупкими, что при выезде на встречу послов за «сотенными людьми» следовали мастера с запасными крыльями. В августе 1679 г. Оружейной палаты мастеровым людям Луке Афанасьеву с семью товарищами выдали «государева жалования в приказ против прежние дачи по три алтына по две деньги человеку <...> велено им быть для встречи и выезду польских послов с запасными крыльями и с копы августа в 4 день» [42, л. 16].

В мае 1680 г. явилось налицо «70 пар крыл со всем, и с лопасти и с тесьмы, и ныне снурки испорчены. 62 пар крыл, а в том числе тесмы испорчены, 69 лопастей нет и снурки» [40, л. 20]. Согласно росписи в 1680 г. на выезд польских послов конюшенного чину сотенным людям было выдано: во вторую сотню «60 щитов железных подкладки кумачные, 60 копей з змеями и с лопастьми», в пятую и в шестую сотни «100 копей з змеями, да 100 крыл бумажных и холстяных» [43, л. 3–4].

В 1683 г. в Оружейной палате хранилось «153 пары крыл бумажных и холстяных, в том числе 67 пар испорчены <...> 4 пары новых не вооружены <...> 46 пар ломаных в починку не годяцца» [43, 4–5]. К сожалению, лист Переписной книги оружейной казны 1687 г., где говорится о крыльях, сильно поврежден. «Крылья ... (утрата у левого поля. – С.О.) пятьдесят пар крыл... да на Бархатном дворе восемьдесят крыл клееных...» [37, л. 699]. В 1691 году в Оружейной палате числилось 140 пар крыльев [41, л. 4]. Именно 1691 г. можно датировать последнюю документированную подготовку к участию крылатых всадников в посольском церемониале. С 1673 по 1691 г. крылатые всадники участвовали во встречах персидских, шведских, польских, цесарских (имперских) послов, а также во встрече имеретинского царя Арчила в 1685 г. [44, л. 5–6].

Впечатления иностранных дипломатов от церемонии встречи посольства, и в частности от крылатых сотен, зафиксированные в посольских книгах со слов русских приставов, носят типизированно-хвалебный характер со сходным лексическим рядом, отличаясь лишь степенью развернутости и отдельными деталями. В ряде случаев сопровождавшие послов русские приставы, проявляя «радение», шли на явное преувеличение численности крылатых всадников – «учинен их целой полк» [45, л. 443–444].

В последующий период неиспользовавшиеся крылья продолжали хранить в оружейной казне в Верхних палатах, где складировалось в основном строевое оружие. В перечневой описи 1716 г. указано «крылов холстинных клееных выезжих для встречи послов 47. Таких же крылов 90» [15, л. 9 об.]. Именно Верхние палаты сильнее других помещений Оружейного ведомства в здании Дворцовых приказов пострадали от огня во время Большого московского пожара 1737 г. Согласно реестру «Крылов клееных выезжих для встречи послов холстинных ветхих сорок семь. (Згорели). Таких же крылов ветхих девяносто, две ваны лекарные. (Згорели)» [16, 83 об.]. Термин «Згорели» обозначал полную гибель вещей.

Изучение источников позволило существенно расширить представление о конструкции крыльев, изготовленных в Оружейной палате в разные годы. Тем не менее неизвестным остался ряд ключевых параметров – отсутствует информация об основных размерах крыльев, соотношении их высоты и ширины. Не удалось определить место в конструкции крыльев отдельных упомянутых в документах деталей, не ясно назначение некоторых использованных «у дела крыльев» материалов. При подобных об-

стоятельствах корректная графическая реконструкция вида крыльев не представляется возможной, поэтому автор сознательно воздерживается от подобных попыток.

Происхождение крыльев Оружейной палаты никогда не вызывало сомнений. О заимствовании «крылатого войска» у поляков писал еще А.В. Висковатов [3, с. СХХ]. Наиболее интересные формы, эффектные предметы вооружения и экипировки активно заимствовались и на Западе, и на Востоке. В русском придворном церемониале второй половины XVII в. появлялись двуручные мечи и протазаны, кумыщкие копья и калмыцкие шапки, разноцветные кюяки и круглые щиты [46–48, 32]. Реализация этих «новизн» возлагалась, как правило, на придворную оружейную мастерскую, где поставленные задачи оперативно решались с использованием доступных техник и материалов, порой сильно отличных от иноземных прототипов. Сюжет с крылатыми всадниками – это важная страница истории одного из основных направлений деятельности Оружейной палаты – обеспечения парадно-церемониальных мероприятий, создававших удивительный и неповторимый образ русского двора последней трети XVII столетия.

Примечания

- ДАИ – Дополнения к актам историческим.
 ДР – Дворцовые разряды.
 КИГИ – Калмыцкий институт гуманитарных исследований.
 ММК – Музеи Московского Кремля.
 РАН – Российская академия наук.
 РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Список литературы

1. Tanner, Bernhard Leopold Franz: Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae. Sumptibus Johannis Ziegeri. Anno 1689. 128 p.
2. Таннер Б. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. М.: Университетская типография, 1891. 203 с.
3. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. [Висковатов А. В.] Ч. 1. СПб.: Военная типография, 1841. IV, 200, CLXV с., [12], 156 л. ил.
4. Курбатов О.А. Государев полк и царедворцы в XV–XVII веках // При государеве стремени. Конные эскорты России с XVI века и до наших дней. Каталог выставки. М.: Русские витязи, 2021. С. 11–34.
5. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 49344.
6. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 951.
7. ДАИ. Т. 6. СПб., 1857. 507 с.
8. РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1673. Д. 1.
9. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1673–1674. Д. 3.

10. Пальмквист Э. Заметки о России сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 г. / Гос. архив Швеции, Ин-т славистики Стокгольмского ун-та, СПб ин-т истории РАН; [Э. Лефstrand и др.]; пер. на рус. яз. Г. Коваленко. М.: Ломоносовъ, 2012. 344 с.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15315.
12. Забелин И.Е. Перечень иконописных и живописных работ московских дворцовых и городских мастеров XVII столетия // Русский художественный архив. Вып. 2. СПб.: Т-во типографии А.И. Мамонтова, 1894. С. 108–130.
13. Словарь русских иконописцев XI – XVII веков [ред.-сост. И.А. Кочетков]. Т. 1. М.: Индрик, 2009. 1102 с.
14. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21933.
15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 943.
16. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2 Д. 1251.
17. Романовы. Начало династии. К 400-летию избрания на царство Михаила Федоровича Романова (Каталог выставки). М.: Кучково поле, 2013. 329 с.
18. Dovnar-Dukowicz M., Sliwinski J. Zbroje z palace w Podhorcach. Poznan: Wydawnictwo sw. Jerzego, 2013. 317 p.
19. ДР. Т. III. СПб., 1852. 840 с.
20. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15343.
21. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15401.
22. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17499.
23. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18303.
24. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18602.
25. РГАДА. Ф. 79. Оп. 1 1677 – 1678 гг. Д. 187.
26. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18511.
27. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21933.
28. Раздорский А.И. Мерные и тарные единицы в таможенных и кабацких книгах русских городов XVII – первой половины XVIII в. (на примере курских, белгородских, вяземских и Можайских источников) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4 (42). С. 74–83.
29. РГАДА. Ф. 396 Оп. 2 Д. 959.
30. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15369.
31. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18145.
32. Чубинский А.Н. О так называемых «пикинёрных копьях» Преображенского полка // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Десятой Международной научно-практич. конф. 12–14 мая 2021 г. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2021. С. 405–419.
33. Романов М.Ю. Несколько комментариев к определению старинных терминов «тощее древко», «подзнаменное копьё», «чехол», «лопасть» // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Труды Седьмой Международной научно-практич. конф. 18–20 мая 2016 г. Ч. IV / Ред. С.Е. Ефимов. СПб.: ВИМАИВиВС, 2016. С. 431–443.
34. Закат династии. Последние Рюриковичи. Лжедмитрий. Каталог выставки. М.: Московский Кремль, 2021. 223 с.
35. Николаева М.В. Иконостасное строительство последней трети XVII века: «столярство и резьба», золочение, иконописные работы. Новодевичий, Донской, Высоко-Петровский, Симонов монастыри. М.: БУКСМАрт 2020. 446 с.
36. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18322.
37. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936.
38. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18267.
39. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 18368.
40. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19411.
41. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 29168.
42. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17951.
43. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19627.
44. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 23918.
45. РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. 1683–1684 гг. Д. 30.
46. Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора середины XVII века // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. XXII М.: Московский Кремль, 2014. С. 45–88.
47. Орленко С.П. Русские щиты Оружейной палаты XVII в. // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Ч. III. СПб.: ВИМАИВиВС, 2014. С. 317–336.
48. Бобров Л.А. Орленко С.П. «Шапки калмыцкие» в собрании Оружейной палаты Московского Кремля // Oriental Studies [Вестник КИГИ РАН]. 2020. Т. 13. № 2. С. 278–304.

«WINGED HORSEMEN» IN THE CEREMONIAL OF THE RUSSIAN COURT AND THE ARMORY CHAMBER OF THE XVII CENTURY

S.P. Orlenko

The article examines one of the aspects of the Armory's activities to provide specific attributes of ceremonial events of the Russian court in the last third of the XVII century. The issue of making canvas and paper wings for equipping riders who participated in the ceremonies of welcoming foreign embassies is being considered. Based on the analysis of a wide range of sources, the design of the wings, their number in different years, and the names and specialties of the craftsmen who worked on their manufacture were studied. Descriptions of the effect of demonstrations of «winged horsemen» in the records of the ambassadorial chancellery are also being investigated.

Keywords: Armory chamber, XVII century, ambassadorial ceremonial, foreign diplomats, winged horsemen, wings made of canvas, wings made of paper, construction, craftsmen.

References

1. Tanner, Bernhard Leopold Franz: *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam. Norimbergae. Sumptibus Johannis Ziegeri. Anno 1689.* 128 p.
2. Tanner B. Description of the journey of the Polish Embassy to Moscow in 1678. M.: University Printing House, 1891. 203 p.
3. A historical description of the clothes and weapons of the Russian troops, with drawings, compiled by the highest command. [Viskovatov A.V.] Part 1. St. Petersburg, Voennaya tipografiya, 1841. IV, 200, CLXV p., [12], 156 ill.
4. Kurbatov O.A. The Sovereign's regiment and courtiers in the XV–XVII centuries // Near the sovereign's stirrup. Horse escorts of Russia from the XVI century to the present day. Exhibition catalog. M.: Russian Knights, 2021. P. 11–34.
5. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 49344.
6. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 951.
7. AHA. Vol. 6. St. Petersburg, 1857. 507 p.
8. RSAAA. Coll. 53. Aids. 1. 1673. Fol. 1.
9. RSAAA. Coll. 96. Aids. 1. 1673–1674. Fol. 3.
10. Palmquist E. Notes about Russia made by Eric Palmquist in 1674. M.: Lomonosov, 2012. 344 p.
11. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15315.
12. Zabelin I.E. List of iconographic and pictorial works of Moscow palace and city masters of the XVII century // Russian Art Archive. Vol. 2. St. Petersburg: The Partnership of A.I. Mamontov's printing house, 1894. P. 108–130.
13. Dictionary of Russian icon painters of the XI – XVII centuries [ed.-comp. I.A. Kochetkov]. Vol. 1. M.: Indrick, 2009. 1102 p.
14. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 21933.
15. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 943.
16. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 1251.
17. The Romanovs. The beginning of the dynasty. On the 400th anniversary of the election of Mikhail Fedorovich Romanov to the kingdom (Exhibition catalog). M.: Moscow Kremlin, 2013. 329 p.
18. Dovnar-Dukowicz M., Sliwinski J. *Zbroe z palace w Podhorcech.* Poznan: Wydawnictwo sw. Jerzego, 2013. 317 p.
19. PR. Vol. III. St. Petersburg, 1852. 840 p.
20. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15343.
21. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15401.
22. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 17499.
23. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18303.
24. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18602.
25. RSAAA. Coll. 79. Aids. 1. 1677 – 1678. Fol. 187.
26. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18511.
27. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 21933.
28. Razdorsky A.I. Measuring and packaging units in customs and tavern books of Russian cities of the XVII – first half of the XVIII century (on the example of Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk sources) // Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. № 4 (42). P. 74–83.
29. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 959.
30. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 15369.
31. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18145.
32. Chubinsky A.N. On the so-called «pikemen's peaks» of the Preobrazhensky regiment // War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Tenth International Scientific and Practical Conference on May 12–14, 2021. Part III. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops, 2021. P. 405–419.
33. Romanov M.Y. Several comments on the definition of the ancient terms «skinny shaft», «banner spear», «cover», «blade» // War and weapons. New research and materials. Proceedings of the Seventh International Scientific and Practical Conference on May 18–20, 2016. Part IV / Ed. by S.E. Efimov. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops, 2016. P. 431–443.
34. The decline of the dynasty. The last Rurikovich. False Dmitry. Exhibition catalog. M.: Moscow Kremlin, 2021. 223 p.
35. Nikolaeva M.V. Iconostasis construction of the last third of the XVII century: «carpentry and carving», gilding, icon painting. Novodevichy, Donskoy, Vysoko-Petrovsky, Simonov monasteries. M.: BUKSMart, 2020. 446 p.
36. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18322.
37. RSAAA. Coll. 396. Aids. 2. Fol. 936.
38. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18267.
39. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 18368.
40. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 19411.
41. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 29168.
42. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 17951.
43. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 19627.
44. RSAAA. Coll. 396. Aids. 1. Fol. 23918.
45. RSAAA. Coll. 32. Aids. 1. 1683–1684. Fol. 30.
46. Orlenko S.P. Swords and protazans. On the question of ceremonial innovations of the Russian court in the middle of the XVII century // Museums of the Moscow Kremlin. Materials and research. The State Museums of the Moscow Kremlin. Issue XXII. M.: Moscow Kremlin, 2014. P. 45–88.
47. Orlenko S.P. Russian shields of the Armory of the XVII century // War and Weapons. New research and materials. Part III. St. Petersburg: Military Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Troops, 2014. P. 317–336.
48. Bobrov L.A. Orlenko S.P. «Kalmyk hats» in the collection of the Armory of the Moscow Kremlin // Oriental Studies [Bulletin of the KIHS RAS]. 2020. V. 13. № 2. P. 278–304.